

ΜΗΤΡΑΛΟΙΑΣ

Это слово впервые засвидетельствовано в «Эвменидах» (ст. 153 и 210); в обоих местах ему обычно придают смысл 'матереубийца'. Фр. Бласс в своем комментарии высказал сомнение насчет правильности такого понимания,¹ поскольку ἀλο(ι)ῶ, с которым связана вторая часть слова, вызывает скорее представление о побоях, чем об убийстве, а некоторые случаи употребления его в более позднюю эпоху как раз показывают это слово в значении 'тот, кто бьет мать'. Высказав эту мысль, Бласс все-таки решил остаться при обычном понимании: μητραλοίας, по его мнению, получает здесь несколько особенное значение в связи с судьбой Ореста. Такое объяснение страдает неотчетливостью — неясно, что стоит за этим предполагаемым воздействием сюжета на значение слова, употребленного в трагедии? Между тем соображения, по которым у слова μητραλοίας можно ожидать значение 'тот, кто бьет мать', следует принять во внимание.² Разберем все ранние (5—4 вв. до н. э.) свидетельства употребления этого слова,³ причем за многочисленностью этих случаев включим сюда и слово πατραλοίας; они вполне симметричны и по значению, как нетрудно будет убедиться на примерах, которые мы приведем ниже.⁴

В самом деле, этимология, связывающая второй элемент этой пары с ἀλοῶ не только единодушно принята современными исследователями⁵ от античных и византийских ученых,⁶ но и отражает языковое ощущение классической поры. Об этом свидетельствует выражение μητέρα ἠλόησε (Arsph., Ran., 149), показывающее, что Аристофан не только выделял вторую часть в интересующих нас composita, но и сознавал в ней то значение, которое этот глагол мог принимать сам по себе. Между тем ἀλοῶ никогда не теряло своего основного значения 'молотить', так что переносные его значения воспринимались, нужно полагать, через эту сельскохозяйственную семантику. Так, ἀλοῶ очень рано употребляется для обозначения понятия 'яростно колотить'.⁷ Аристофан (кроме столь важного для нас Ran., 149) употребляет глагол еще обобщеннее в Thesm., 2, где ἀλοῶ приближается к 'мучить, терзать'. Однако представление о молотье сказывается и тут: ведь как раз в этом случае выражение τὸν σπλῆνα ἐμβαλεῖν может получить неожиданно конкретный смысл.⁸ Подтверждается несколькими примерами⁹ и значение 'нанести сильный удар' — начиная с фр. 661 Аристофана, где возможна ассоциация с молотью.¹⁰ Таким образом, по крайней мере для раннего времени у composita с ἀλοῶ естественно ожидать значения 'тот, кто колотит' или чуть обобщеннее 'тот, кто мучит своих родителей'. Разумеется, эти размышления над внутренней формой слова не гарантируют то-

го, что слово имело именно такой смысл и никоим образом не могло подразумевать убийство. И хотя как античные, так и византийские филологи часто толкуют слово в смысле побоев,¹¹ однако представлено и другое мнение, по которому оно сочетает оба эти значения,¹² — за таким решением следуют чаще всего и лексикографы нового времени,¹³ причем семантическая история слова остается неясной. Таковы предпосылки для последующего разбора.

Поскольку у Софокла и Еврипида слова πατραλοίας и μητραλοίας не встречаются (и это при том, что они часто говорят об отце- и матереубийстве, используя целый ряд слов),¹⁴ обратимся к примерам из Аристофана, который употребляет слово πατραλοίας в четырех местах: Nub., 911, 1327 и Ran., 273, 773; кроме того, такое прозвание носит по традиции персонаж «Птиц». Оба упоминания в «Облаках» тесно связаны друг с другом, так как в первом случае Правда бросает это слово в лицо Кривде, а во втором — оскорбленный отец обидчику-сыну, эту самую Кривдой выученному. С самого начала второй сцены (ст. 1321 слл.) раздаются возгласы несчастного отца, которого сын поучает побоями. Цель младшего не то, чтобы отец замолк навсегда, но его κλάειν (ст. 1415—1439). Однако дело не в том, что в этой сцене нет опасности отцеубийства: комедии не чуждо преувеличение, так что слово, означающее на деле 'отцеубийца', могло бы появиться здесь ради гиперболы. Важнее то, что сам Стрепснад на протяжении всей сцены говорит о побоях; с него, по видимому, достаточно и этого,¹⁵ да и с комедии тоже — отцеубийство больше подходит для трагедии. Ст. 911 должен главным образом готовить к ст. 1327: это видно и по близости ряда выражений, и по тому, что в первом случае обвинения, содержащиеся в слове πατραλοίας, мотивированы менее отчетливо. Кривда, конечно, младше Правды; она и сама не чтит старших и учит этому молодежь. Перебранка Правды с Кривдой грозит перейти в потасовку (показательно μάχη в ст. 1351); говорить об убийстве Правде незачем, она знает, что Кривда предпочитает добиваться своего, действуя бесстыдно, а не бесстрашно. Неудивительно поэтому пояснение πατρούπηγς в схолии к Nub., 911.

С большей определенностью можно судить о значении интересующего нас слова в обоих местах из «Лягушек» (ст. 274, 773). πατραλοῖαι и здесь упоминаются в одной связи — в обоих случаях они отбывают наказание в Аиде. Примечательно, что рядом с ними названы преступники помельче (λωποδῶται, βαλλαντιοτόμοι, или вообще τοιχωρύχοι), нарушители нравственных обязательств (как ἐπίορχοι) и прочие поклонники Еврипида. Выходка Диониса, утверждающего, что он видит эту же самую публику на представлении «Лягушек» (см. схолии к ст. 274 и 276), пожалуй, была бы несколько мрачной, если бы понимание слова πατραλοίας как 'отцеубийца' было оправдано.

Между тем у нас есть надежное средство решить этот вопрос. Ведь ст. 273 слл. связаны с рассказом Геракла о подземных жителях (ст. 146 слл.), что отмечено прямо в словах *ὅς ἐλεγεῖν ἡμῖν* и подтверждается упоминанием *ἐπίορκοι* в обоих местах. Продолжая сопоставление этих мест, мы убеждаемся, что *πατραλοίας* равносильно *ὅστις πατρός γνάθον ἐπάταξεν*. Иначе говоря, парафраз самого Аристофана показывает, что речь идет о человеке, решившемся ударить своего родителя. В том же рассказе Геракла дано уже упомянутое выше описательное выражение для *μητραλοίας*.¹⁶ *Πατραλοίας*, являющийся в ст. 1342—1371 «Птиц», — это человек, ищущий места, где можно было бы невозбранно проявлять безответственное и грубое отношение к отцу. Не говоря уж о нежелании исполнить свой долг (*χηροτροφία*), в ст. 1352, 1368 можно предполагать у него страшную цель — сжить отца со света и завладеть имуществом; однако в основном речь идет о побоях и оскорблении действием, а не о покушении на жизнь отца (например, ст. 1350, 1364; схолии к ст. 1337, 1348). Такому герою прозвание *Πατραλοίας* очень подходит, причем аристофановское словоупотребление показывает, что это прозвище, не фигурирующее в тексте комедии в строгом смысле слова, можно возводить к самому поэту. Это тем более вероятно, что этот герой напоминает Фидиппида в сцене побоев; в обоих случаях имеются остроумные вариации на тему о «петушащихся» сыновьях (ср. ст. 1427—1433 и 1366 слл.).

Сходную и еще более внятную картину дают четыре платоновских примера. В «Федоне» (113—114 В) сперва названы люди, совершившие святотатство или «много несправедливых и незаконных убийств»; тут дело непоправимо, преступники вечно мучаются в Тартаре. Следующая категория преступлений охарактеризована как «большие, но поправимые». Здесь имеются в виду «те, кто в гневе совершил какое-либо насилие над отцом или матерью, а потом всю жизнь раскаиваются, или же совершившие убийства (*ἀνδροφόνοι*) каким-нибудь другим образом». Эти через год имеют право обращаться к душам обиженных ими с мольбой отпустить их из Тартара в Ахерусиадское озеро: *ἀνδροφόνοι* умоляют тех, кого они убили, а *πατραλοῖαι καὶ μητραλοῖαι* — тех, кого оскорбили (*ὅς ὕβρισαν*). Отсюда ясно, что уподобление обидчиков родителей убийцам, отнесенным ко второй из названных категорий, означает, что человек, ударивший отца или мать, заслуживает особенно сурового наказания. Словно опасаясь, что кто-нибудь сочтет недостаточно строгой эту квалификацию грубого отношения к родителям, Платон вводит смягчающие обстоятельства — состояние аффекта и раскаяние, мучающее провинившегося уже при жизни. Повествованию о загробной каре в «Федоне» соответствует рассуждение о мерах земного законодательства в «Законах». Здесь отдельно рассматриваются лица, покусившиеся

на жизнь родителей, и те, кто оскорбляет их действием (переломный момент — 874 Е). За убийство отца или матери, совершено ли оно злонамеренно или в исступлении, определено одно наказание — смертная казнь, усугубленная позором в первом случае и отменяемая во втором лишь при условии прощения, которое захочет и успеет дать пострадавший (872 D, 873 С, 869 А—С). Между тем для *μητραλοῖαι* (881 А) определено не столь суровое наказание: до заключения в Тартар они должны быть изгнаны из тех мест, где жили, и лишиться доступа к святилищам (880 Е—881 Е). Это место близко к упомянутому уже пассажи в «Федоне»; и опять встречаем выражения такого рода, как *ἄψασθαι βιάζομενον... αἰκία τινί, ἀνόσιοι πληγῶν τόλμαι, πατέρα ἢ μητέρα τύπτειν* et sim. Таким образом, в обоих местах *πατραλοῖαι* и *μητραλοῖαι* — дети, осмелившиеся нанести удар кому-либо из родителей, а не их убийцы. Что касается двух других платоновских мест; то там полезно применить именно то, что мы заметили выше: в Resp. 569 В тиран назван *πατραλοίας*, потому что он (подобно неблагодарному и грубому сыну) пользуется слабостью народа, им же обессиленного;¹⁷ в Soph. 241 В—242 А ученик, приступая к спору с учителем, шуточно просит не считать, что он *πατραλοίας* (мысль об убийстве вряд ли здесь уместна).¹⁸

Для решения вопроса очень важны свидетельства, обнаруживаемые у ораторов. Лисий (10,8=11,4) дает нам возможность убедиться в том, что занимающие нас слова были в известное время правовыми терминами и именно в том самом смысле, который обозначился выше. Выступающий с речью говорит, что слова, брошенные Феомнестом, хотя и не были сформулированы в терминах права (тот употребил выражение *πατέρα ἀπέκτονας* вместо *ἀνδροφόνος*, которое одно представляет собой *ἀπορρητόν*), однако по существу равнозначны такому обвинению. Для подтверждения справедливости этой мысли приводится параллель: неужели можно говорить о клевете, если кто без основания назван *πατραλοίας* или *μητραλοίας*, но нельзя ничего предпринять, если было сказано *τὴν τεκοῦσαν ἢ τὸν πατέρα ἔτοπτες*? Как видим, *πατραλοίας* соотносено здесь отнюдь не с отцеубийцей; с другой стороны, снова заметно отмеченное нами у Платона сближение *ἀνδροφόνοι* и сыновей, бьющих своих отцов, что свидетельствует о непримиримом отношении к сыновней непочтительности.¹⁹ У Демосфена в речи против Тимократа (732, 12 и далее), как нетрудно заметить, одни и те же лица названы сперва *πατραλοῖαι*, а затем обвиняются в *κίχωςις γονέων*.²⁰

Если наше рассмотрение ранних примеров справедливо, то обычное осмысление 'матереубийца' в «Эвменидах» оказывается изолированным, что весьма неожиданно. Естественно поэтому искать возможность увидеть и у Эсхила то, что можно согласовать с остальными свидетельствами.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в обоих случаях слово *μητραλοίας* произносят Эринии, речь которых, обращенная к Аполлону, полна злобы (так, в непосредственной близости к интересующему нас слову стоят: в ст. 150 *καθιπτάσω*, в ст. 200 сильное *παναίτιος*; ст. 202 представляет собой ловушку, ст. 206 — иронический вопрос и др.). Poleмически насыщена и речь Аполлона, что очевидно в отношении ст. 209, представляющего важную для нас реплику Эриний (саркастическое *γέρας καλόν*), и возможно в характерном *νοσφίζω* из ст. 211. Кроме того, при первом упоминании *μητραλοίας* в ст. 153 поучительно *τοκεῖσι πικρόν*: видно, что Эринии ни за что не хотят признать в поступке, оказавшемся ужасным по отношению к матери, неизбежное следствие сыновней почтительности к отцу, как и то, что в этом роковом превращении Орест совсем не виновен. Поэтому, если мы применим к обоим местам из «Эвменид» то значение, которое явственно обнаруживается или может не без основания предполагаться у других авторов, то лучшим, во-первых, колоритное и, кажется, редкое в поэзии слово,²¹ а во-вторых, очень злой поворот мысли Эриний. Ведь *μητραλοίας*, употребленное как будто бы в менее страшном смысле, на самом деле, сейчас особенно опасно Оресту: то, что он убил мать — факт неоспоримый и не оспариваемый ни Орестом, ни его защитниками; а вот мотивы и оценка этого поступка стали предметом спора между противными сторонами. Если для друзей Ореста мотивом убийства Клитемestры была месть за отца, то для Эриний Орест — *μητραλοίας*, т. е. сын, способный или даже склонный к тому, чтобы легко достичь того предела, к которому стремится всякая *κάκωσις γονέων*, а именно сыновней рукой ударить собственную родительницу.²² То, что в рассказе Эсхила дело обстоит не так, и Эсхил Орест совсем не *μητραλοίας* — обстоятельство, имеющее капитальную важность для пьесы и спасительное для Ореста на его трудном процессе.²³

Попытаемся теперь дать в общих чертах семантическую историю слова *μητραλοίας*. Возникшее, по всей видимости, задолго до Эсхила (рядом со словом *πατραλοίας*),²⁴ оно вряд ли появилось как эвфемизм или же, наоборот, экспрессивное обозначение 'матереубийцы' (альтернатива, предложенная Шантреном): слишком специфичен для этого хорошо ощущавшийся второй элемент слова. Другое дело, что значение убийства, вообще говоря, могло бы развиться из того значения, которое представляется нам исконным для этого слова: 'наносающий матери удар(ы)'. *μητραλοίας*, действительно, может быть отнесено к матереубийству, более того, означать самое страшное в нем — злую волю, однако отсюда неправоммерно заключать, что это слово является *κύριον ὄνομα* для понятия 'матереубийца'. В самом деле, ведь и *τύπτω*, которое используют, говоря о побоях, может в частном случае говорить про удар, ока-

завшийся смертельным — это не вынуждает нас вкладывать представление об убийстве в значение этого глагола.²⁵ Между тем употребление интересующих нас слов в качестве правовых терминов прямо исключает значение убийства по крайней мере для классического времени.²⁶ Позже эти слова получают, кажется, более обобщенное значение мучительства. Написание *μητραλόας*, предоставленное, например, в новозаветных рукописях,²⁷ показывает, что у некоторых носителей языка благодаря ассоциации с *ἄλλοι* появилось осмысление этого слова в духе *μητραλέτωρ* 'губитель матери'. Это создало предпосылку, затрудняющую понимание некоторых из разобранных выше мест аттических классиков, вследствие чего уже у античных филологов наметилась тенденция понимать слова *μητραλοίας* и *πατραλοίας* то в смысле 'избивающий', то в смысле 'убивающий своих родителей', что имело продолжение в новое время.

Примечания

¹ Aeschylus. Eumeniden. Hrsg. und erklärt von Fr. Blass. Berlin, 1907, ad vv. 149—54.

² Greek-English lexicon by Liddel-Scott-Jones (vol. 2. Oxford, 1951) и некоторые другие словари допускают идею убийства наряду с идеей побоев (примечательно, что объяснения слов *πατραλοίας* и *μητραλοίας* часто не вполне симметричны); П. Шантрэн (Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968, s. v. *ἀλώη*) относит идею побоев к предыстории интересующих нас слов.

³ В примечаниях мы привлекаем и примеры более позднего времени; их предварительное объяснение позволяет в общих чертах представить себе историю обоих слов и их толкования.

⁴ Это естественно, но не обязательно для любого случая; ср. *πάτρα* и *μήτρα*.

⁵ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954, s. v. *ἀλώη*.

⁶ Словами, которые мы анализируем, интересовались аттицисты Фриних и Полидевк; Аммоний, Секст; схолиасты Аристофана; Гезихий, Фотий; Суда; Евстафий.

⁷ Ном., II, 9, 568: *πολλά ... γαῖαν ... χερσίν ἀλοία*.

⁸ Ср.: Equit. 391—94. Отметим, что Гезихий, s. v. *ἀλοῶν*, следуя за толкованием схолиаста к Thesm. 1—2, приписывает глаголу *ἀλοῶ* на основании этого места значение 'блуждать' (это отражено и в LSJ). Между тем то, что герои долго блуждали, просто следует из контекста, раз один спутник жалуется на другого, измучившего его своим долгим молчанием; упоминание ласточки, служившей у греков символом болтливости, выражает надежду, что это молчание прервется.

⁹ Учитываем и приставочные образования с *ἀπο-* и *κατα-*.

¹⁰ *ἀλοῶν ... τὰς γνάθους*. Ср.: Plut., Mor., 327a, II, 4, 522 и др. (иногда, кажется, имеется в виду и один сильный удар).

¹¹ Так поступает, например, Фриних (Anecdota graeca, vol. 1. Ed. I. Bekker. Berlin, 1814, p. 16, 5, s. v. *ἀπαλοῶν*): ... *πατραλοίας καὶ μητραλοίας ὁ τὸν πατέρα καὶ τὴν μητέρα ἀλοῶν, ὃ ἐστὶ τύπτων καὶ ἐπιτίθων*.

¹² У Гезихия (Hesychii Alexandrini lexicon. Ed. M. Schmidt. Halle, 1858, s. v. *πατραλοίας*): читаем: *ὁ τὸν πατέρα ἀτιμάζων τύπτων ἢ κτείνων*.

¹³ Thes. Gr. L., s. v. *μητραλοίας* и *πατραλοίας* ср. выше прим. 2. В новогреческом эти слова, по всей видимости, менее употребительные, трактуются обычно как синонимы к *μητρο-* и *πατροκτόνος*.

¹⁴ У Эсхила и других трагиков богато образования на *-κτόνος*, *-φόνος*, *-φόντης*.

¹⁵ *ἀπαγγεῖν* в ст. 1385 и *πνίγειν* в ст. 1376, ст. 1389 зарисовывают не стадии убийства, а моменты потасовки; преобладает *τύπτειν*.

¹⁶ Геракл, кажется, избегает очевидных аттицизмов.

¹⁷ У Марка Аврелия (6, 34) *πατραλοίαи* стоят рядом с теми, кто ищет удовлетворения в скверных делах (ср. 4, 28; 5, 10; 2, 16).

¹⁸ Гелиодор (Aeth., 10, 38) имеет в виду непокорность дочери.

¹⁹ Такое же толкование применимо к Aristot., Rhet. 1386B.

²⁰ Анри Вейль (Les plaidoyers politiques de Démosthène, texte grec par H. Weil. Paris, 1886, ad loc.) видел, что мысль об убийстве здесь неуместна, но не сказал, допускает ли он такое значение в других местах.

²¹ Ср. выше прим. 14. Характерна непродуктивность *-αλοίας*.

²² Как показывает Arsph. Ach. 1165 слл., где Орест — нарицательное имя грабителя и хулигана, эта версия не была новшеством. Язвительный Мом у Лукиана (deog. сопс. 12) объясняет таким же образом матерубийство Алкмеона. Примечательно, что отцеубийц по неведению их антагонисты (древние) не догадались изобразить в виде *πατραλοίαи*.

²³ Быть обвиненным как *μητρο-* или *πατραλοίας* было страшно не только тому, кто (по той или иной причине) стал убийцей одного из своих родителей, но и тому, кого подозревают в намерениях такого рода (см.: Joseph. Flav., AJ, 16, 11 (356)).

²⁴ Интересно, не отражает ли выражение *πατὴρ ἀλώῃ* (Il., 21, 36) предысторию слова *πατραλοίας*? ср. наше 'недоросль'.

²⁵ Полидевк (Poll., 3, 13), по-видимому, встретил у Исея стоявшие поблизости *πατραλοίας* и *πατροτύπτης*; исходя из мысли, что первое относится к отцеубийству, он не замедлил приписать то же и второму.

²⁶ Историки права не распространили правильное понимание отдельных случаев на остальные.

²⁷ I Tim., 1, 9, где предлагались различные толкования. Л. Диндорф (Th. Gr. L., s. v. *μητραλοίας*) отметил роль ассоциации с *ἄλλοιμι* при появлении этого написания, не оценив, кажется, ее места в смысловой истории слова.

А. И. ДОВАТУР

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ВИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОЛОНА, ФЕОГНИДА, ЭСХИЛА

ἀναίτιοι ἔργα τίνουσιν | ἢ παῖδες
τούτων ἢ γέροντες ἐπίσω

(Solo № 1 Diehl, 31—32).

Эрнст Диль в критическом аппарате своего издания приводит одно более или менее существенное (хотя бы в смысле стиля) различие. Рукописное чтение, как его дает Стобей (Floril., IX, 25) — *ἀναίτιοι*. Виттенбах предлагал читать: *ἀναίτια τ'*; Готфрид Германн — *ἀναίτια δ'*. Само собой разумеется, *ἀναίτια* следует относить к *ἔργα*, т. е. получается в конечном счете